

Много ходило разговоров о кровавом и варварском нраве аховмедцев. Будто козлоногие кровь убитых в бою врагов пьют, провинившимся рабам сердце вырывают и заставляют других слуг его есть сырым в назидание, а между собой, на дуэлях, лбы до кости разбивают. Болтали люди, чай язык без костей, но орчук ко всему относился пренебрежительно, любят у нас мужики не меньше баб брехать. Порой и такие попадают, что дня не проживут, если не соврнут.

И о следующем выдумки хватало балаболить. Дескать, существуют аховмедцы больше обычных. Тоже считалось, что пустозвонство. Хотя вон, глаза не врут. Стоит, бешено очами вращает, крушит все, что под руку попадает. Больше обычного, росту сажени два, не меньше. Мих против него овца беззащитная, одними копытами козлоногий затоптать может. Витольд Львович и вовсе комарик. Крутится подле, тростью угощает, так разве огромному аховмедцу есть вред от подобного битья? Благо, прыть у господина удалая, а то бы раздавил постыдный козлоногий. Почему постыдный? Так голый весь, лишь клочья одежды на нем висят растянутые и порванные, будто в один миг рубаха мала стала, стоит, ирод, срам даже прикрыть не думает.

Все то Мих на бегу обдумывал и подмечал, но чем ближе, тем туманнее в голове. Вот окажется сейчас рядом, делать что? Бросить бы чего в козлоногого, да под рукой ничего путного. Так ударить? Не почувствует даже. Головой влететь со всего маху в грудь? А что, башка у Муха крепкая, хоть молотом кузнечным по ней бей, авось и опрокинется копытный.

Сказано, сделано. Пара последних шагов получилась размашистыми, ладными, да и сам Мих не пушинка, полетел лучше пушечного ядра. Ударил так, что любой другой, будь даже орк, наземь опрокинулся бы без чувств, да в себя потом не один день приходил, а этот лишь отступил назад немного. Тут же орчука за ногу схватил, да отбросил в сторону, припечатав в стену дома.

Лежит Мих в потрескавшиеся камни запрокинутый, голова шумит, но вроде живой и понимает все. Витольд Львович меж тем уразумел, что дело принимает серьезный оборот, револьвер вытащил да направил в ногу аховмедцу-переростку. Бах-бах-бах. Хорошо Муху, непугливо, звук точно из воды до орчука доходит, а то бы зажмурился от страха. Три раза успел Меркулов выстрелить, но и козлоногий исхитрился, ловко толкнул копытом. Да еще не туда, где господин находился, а в то место, где оказался. Так тревожно Витольд Львович вскрикнул, что у орчука внутри все оборвалось.

Смотрит на аховмедца и не видит уже гиганта опасного, лишь обидчика своего хозяина, своего друга. Заклокотала внутри Муха злость, захрустели пальцы, в кулаки складывающиеся, забурлила кровь кочевничья. Сам не знал, как рык звериный вырвался, но спустя время понял, не лежит он уже опрокинутый, а на ноги поднялся и орет нечто невразумительное. Аховмедец даже внимание на него обратил, огромный шаг вперед сделал, потом второй. А Мих уже сам с места сорвался и в бой ринулся.

Козлоногий усмехнулся, и ничего хорошего эта кривая гримаса не сулила. Даже наклонился и руку вперед выставил, намереваясь орчука, как клопа мелкого, схватить и раздавить. Только Мих уже и не Мих вовсе был, а ордынец настоящий, уверенный, сильный, ловкий, тот самый, которого так долго отец в нем душил. Под самыми пальцами завалился орчук на задницу, проскользил на ней и тут же вскочил. Сжал запястье аховмедца, который только-только руку начал поднимать, да со всей злостью рванул на себя, на месте крутнувшись.

Охнул козлоногий, оступившись, ртом воздух хватанул – единственное за что мог уцепиться – и полетел. Правильно говорят, чем больше шкаф (причем, ежели еще высокий, из добротного дерева да с тремя полками), тем громче падает. И тут так вышло. Откуда силы в руках столько

взялось? Непонятно. Но полетел аховмедец. Не воспарил, разумеется, а скорее как жирный гусь, в испуге растопырил конечности и плюхнулся на мостовую.

Хрустнула спина, о булыжники приложившись, вырвался стон из могучей груди. А Мих уже рядом. Выписал оглашенному на орехи, ладонью пощечину простую отвесив, что рука заболела. Да и звук получился сильный, сочный, будто меч с размаху щит поцеловал. Хотел еще добавить, да аховмедец тут же глаза закатил, забился в судорогах и убывать телом стал, по чуть-чуть, пока обычное состояние не принял.

Лежит голый козлоногий в лохмотьях, нога подранена, только следы от пуль крохотны, точно прутком стальным плоть потыкали. Рядом фонарь почти полностью вывороченный, осколки от стекол побитых, пара стен домов в самом удручающем состоянии и мостовая вокруг разбитая – знатно потоптался тут своими копытами. А Мих разгоряченный, кровь так и бурлит, мышцы буграми вздулись, сила выхода наружу просит. Тут как раз за плечо его тронули.

Уже разворачиваться для удара начал, но голос услышал. Мало того, что знакомый, так еще говоривший на смутно знакомом языке.

– Дииш ара.

И вся злость с орчука ушла, будто листьями по осени на землю опала. Руки тяжестью свинцовой налились, все лишние мысли в голову вернулись, и вдруг понял он, что теснота сапог никуда не делась. Поворотился на месте, так и есть, стоит перед ним титулярный советник, взгляд встревоженный. Точнее был, пока глазами с ним не встретился, тут он выдохнул облегченно.

– Не говорили вы, господин, что на ордынском речуете.

– Не сильно трудный язык. Иноземцы говорят, Славийский намного сложнее.

– В ссылке выучили? – Догадался Мих.

Меркулов вместо ответа кивнул. А потом внимательно посмотрел на орчука и молвил.

– А ты не говорил, что берсеркер.

– Да что вы, какой берсеркер, – заволновался орчук, – по маменькиной линии да, были у нас берсеркеры. Но через женщину то не передается.

– Доводилось мне, Мих, берсеркеров видеть. Не самое приятное зрелище, безумные воины. Их даже сами ордынцы боятся. Сам же знаешь, далеко не каждый орк берсеркером становится. Предрасположенность к тому должна быть. Но ты берсеркер, в этом сомнений нет. Видел, как ты аховмедца перебросил, точно пушинка он стал. Сила, ярость, быстрота. Но вместе с тем не было в тебе жестокости, не набросился на него, разрывая на части.

– В детстве случались у меня припадки, – признался орчук, – тогда папенька и научил с ними справляться, пережидать, о приятном думая, спокойном. А после и вовсе на нет сошли, благодаря смирению.

– Хм, первый случай применения концентрации берсеркера, – задумчиво пробормотал Меркулов, – мы обязательно обо всем это поговорим подробно, но не сейчас. Пока же об орчем даре никому, ясно?

Орчук кивнул. Говорить уж не стал ничего, тем более люди набежали: пара городских, точно из-под земли выросших, толпа зевак, одетых прилично, явно из местных жителей; лавочники, приказчики и сами купцы, до того благоразумно бурю переживавшие. Все стоят, галдят, благо совсем близко не подходят, опасаются.

- Любезнейший, - обратился к ближайшему городовому Меркулов. - Как вас величать?

- Тарас, Ваше благородие, - отозвался кряжистый пожилой усач.

- Так вот Тарас, меня зовут Витольд Львович, я...

- Да знаем мы кто вы, - глянул тот на второго городского, и последний утвердительно кивнул, - по орке вашей поняли. У нас в ведомстве один вы только такой.

- Тем лучше. Поднимайте этого молодца и давайте до Столешникова переулка. В арестантскую определите, доложите кому надо. Пусть уж решают, что с ним делать.

- Ваше благородие, не ровен час он опять, того этого... взбунтует. Мы ведь рядом были, когда этот... ну того... Точно на дрожжах расти начал, одежда на нем порвалась, потом буяннить пошел.

- Нет, аховмедцы магию крови не могут часто использовать. Теперь несколько дней точно без сил будет. Тащите его без опаски.

После слов титулярного советника городовые осмелели, подхватив козлоногого, который стал только-только приходить в себя, и поволокли прочь. Их сопровождали одобрительные окрики честного люда, мол «покажите, голубчику» или «всыпьте ему там, по первое число», и вовсе даже уничижительные по отношению к аховмедцу. Витольд Львович не стал любоваться зрелищем, в отличие от того же орчука, напротив, потянул последнего за рукав, указав в один из проулков, предлагая тем самым удалиться.

- Нам еще на Краснокаменку наведаться.

- Да Бог с вами, господин. Тут такое творится, а вы, знай, все о Черном печетесь. Посреди бела дня аховмедец магию крови применил. Я, к слову, даже думать не думал, что они подобное могут.

- А что, им не запрещено, - пожал плечами Меркулов, - другое дело, если закон нарушают. Теперь судить будут аховмедца, а он, судя по размерам, не последний прочий.

- Так у них это все от ранга зависит?

- От происхождения. Хотя в какой-то мере и от ранга. Только аховмедец с богатой родословной может занять серьезный пост. Но к магии крови расположены все.

- Это ж получается, у них каждый так может?

- Каждый, - кивнул Витольд Львович, - только эффект будет различным. Обычные аховмедцы всего на пару пядей укрупняются, знатные воины на несколько ладоней, а вот подобные... ну ты видел.

- Странно, что раньше я о том не слышал, - удивился орк. Он замолчал, догоняя Витольда Львовича. Они вынырнули из проулка на широкую улицу, гомонящую и шумящую, потому

Миху пришлось сравняться с господином, чтобы не говорить в спину и не ронять порожные слова ветру на потребу, – всегда говорили, что козлоногие лучшие воины, но никто о магии крови не замолвился ни разу. Точнее говорили, что есть у них секрет, но тонкостей никто не раскрывал.

– Насколько я понимаю, – сказал Витольд Львович настолько уверенно, что можно было принимать его слова за истину последней инстанции, – магию крови они используют очень редко, в самых крайних случаях. Поэтому, если уж ты увидел ее, есть большая вероятность, что там же и умрешь, никому о ней не рассказав.

– А этот чего ж тогда? – указал назад Мих.

– Не знаю, но уверен, что у него были явные причины так поступить. Может, почувствовал угрозу своей жизни или...

Тут Витольд Львович остановился как вкопанный. Орчук, реакцией господина не обладавший, еще пару шагов сделал, и только потом на месте замер. Проследил за взглядом титулярного советника и лишь макушку почесал. Вот дела.

Посреди улицы, немало затруднив движение наемных экипажей и телег, двигалась целая процессия. Мих насчитал аж семь городских и одного фельдфебеля. Выглядели служивые неважно – кой у кого мундир порван, у некоторых синяки свежие, кровью наливающиеся, у одного рука и вовсе перевязана обрывками тряпок, видно, знатно повредил. А сопровождали служивые парочку прочих, цокающих копытами по мостовой и гневно поглядывая вокруг. Одежда вся порвана, срам болтается, привлекая внимание женского пола (они вроде как и отворачиваются, но уж больно неохотно и не могут сдержать усмешки), руки веревкой связаны. Аховмедцев на лица орчук не различал, да и похожи они больно – у всех морды хоть и человечьи, но слишком вытянуты. Будь тут один козлоногий, сказал бы, что это тот самый, их. Только каким-то чудом та пара городских обогнула два квартала (если только бегом бежали), да тут появились. Но аховмедцев было двое, а их, Михом оглушенный, в ногу с револьвера подраненный, прихрамывать должен.

– Это что ж, взбесились они все, господин? – Спросил он Меркулова.

– Вот если бы один магию крови применил по неосторожности, одно дело, – задумчиво ответил Витольд Львович, – а трое уже как минимум странно.

– Точно сговорились, вот бесовское племя, – кивнул Мих.

– Точно сговорились, – повторил титулярный советник. То ли подтверждая слова орчука, то ли попросту задумавшись. – Ладно, пойдем.

Краснокаменка была буквально в двух шагах. Только самый дремучий иноземец не знал, почему серенькая и невзрачная улица, пусть и вытянутая, как кишка, имеет такое название. В темное время, когда к власти пришли семь самых влиятельных бояр, сторонников царя привели на повинную площадь. Нет, не повесили и не умертвили другим повинным способом, а били кнутом с шипами. Хотя, как Мих считал, лучше бы порубили – и то сострадательнее к людям отнеслись, все равно большее число погибло от пыток таких. Тех, кто выжил, отпустили, но лишь с тем условием, что покинут они Моршан. И пошли сырые, еле ногами шевеля, падая и не всегда поднимаясь. По богатой длинной улице, прозванной Знаменской, по той причине, что через нее возвращались войска в город.

А уже после, когда прошла сотня-другая, Мих не знал, сколько мучеников там было, вышел

честной люд, ранее от греха спрятавшийся, и ахнул. Вся кровью залитая стала улица, что с сирых не каплями ронялась, а рекой лилась сквозь кожу треснувшую и мясо порванное. И закончила свою историю богатая Знаменка и начала невзрачная Краснокаменная или попросту Краснокаменка. Уж сколько лет прошло, а с тех пор в лучшую сторону для нынешнего места мало что поменялось.

Бежали отсюда дворяне и купцы, страшась улицы с дурной славой. Говорили, дескать, призраки здесь появились – днем ходят по Краснокаменке, а ночью в дома пробираются, да во сне тебя душат. Проснешься, а на груди тяжелый будто кто сидит, вздохнуть не можешь, только ртом подобно рыбе воздух хватаешь. Мих в то не верил, он своим умом так думал, раньше тут магазинов да лавок много было для проходящего богатого люда, а как молва недобро гудеть о Краснокаменке стала, так народ разбежался. Один за одним стали сюда перебираться аршинники похлипче, а потом и вовсе обычный люд – рабочие, мастеровые, подсобники.

– Итак, – размышлял Витольд Львович вслух, шагая по серому камню проклятой улицы, но орчук ловил каждое его слово, – Черный ушел куда-то дальше поворота на Нижесовскую, по Краснокаменке. И это очень даже хорошо.

– Чего хорошего, господин? – Не удержался Мих и вмешался в рассуждения титулярного советника, – Краснокаменка, почитай, одна из самых длинных улиц Моршана, почти до самого выезда тянется.

– Я не к тому. Он прошел Нижесовскую, значит что?

– Что?

– Не направился к трем вокзалам, следовательно, уезжать не собирается.

Они как раз прошли видневшийся за согбенной двускатной крышей домика шпиль Мглинского вокзала. Мглинского, это значит, на Мглин который, то есть на запад. Мимо Старобеда и Трубчевска. Подле него ютился не такой помпезный, еще старой постройки, вокзал Таркийский. Тут тоже немудрено догадаться, что от названия селения Тарки, тот совсем на юге, в землях покоренных горцев. Дорога туда длиннее, чем до Мглина, да и города все старые, как говаривал папенька красивые: Владмиро-Волынский, Святой Крест Кумь, Байлан. Еще далее, ежели от двух вокзалов отойти, растопырился во все стороны, дома ближайшие притеснив, самый огромный из всех вокзалов – Столепольский. От него, коли захочешь, так можно почти до самых восточных кочевников добраться, до Сундыри, то есть. Иные к Оленску ездят, Сибирь посмотреть, пушнину побить, да много ли чего, но тянет туда людей. Кто попросту подальше от Моршана, но не то чтобы в глушь – пожалуйста, Столеполь али Ижнегодь.

Ходили слухи, что хотят и железную дорогу на север от Моршана проложить, а через то и вокзал построить, но Мих считал, баловство все это. Да, поговаривают, что после Хеми, уже к Пудогге подъезжая, места диво какие благолепные становятся, будто человеком или прочим нетронутые. Но ради того, чтобы озерами и лесом любоваться дорогу строить? Дурость да и только. Хворых на всю голову в Славии испокон веков с лихвой хватало. К примеру, еще в прошлом веке один из профессоров – мудрейшая вроде бы голова – донимал Государя Императора с идеей поставить к северо-западу от Моршана, дабы выход к Виллейскому морю был, город-заставу. Подумать только – селение на болотах! Да и делать там что? Ладно бы враг какой у Виллейского моря был, так дальше им Дрежиния владеет, а те издревле славийскими союзниками являлись.

- То есть, - вернул Меркулов Миха на грешную землю, - он остался в городе. И скорее всего, шел к себе домой.

- Все равно место для розыска довольно обширно, - безглаголиво переступил Мих через кошку, что терзала дохлую крысу внушительного размера.

- Это уже не весь Моршан, - парировал Меркулов, - а если хорошенько поразмыслить... Так это и есть та Нижесовская?

Мих кивнул, с сомнением взглянув на узкую сточную канаву, на которую Витольд Львович указывал. Тяжко приходится полукровке, коли он тут живет. С одной стороны, вроде и центр почти, но близость Краснокаменки делала свое дело. Судя по всему, хватало тут всякой швали, среди коей воры и пьяницы не самые последние люди. Жалко. Уж сколько раз орчук видел, что не место красит человека. К примеру, заехал к ним прошлой весной купчишко один, вроде завещание огромное получил. Таким быстро богатеть нельзя, дурные становятся.

На Никольскую понятно за каким лядом полез - через два квартала дома веселые, с женщинами павшими, с компаниями задорными. Ездить недалече. Да и стал своих новых друзей потихоньку в новое жилище перетаскивать после походов, вино игристое пить, кричать, один раз даже из револьвера стреляли (уж Мих тогда испугался). А народ на Никольской хоть и невысокого происхождения, простой, в общем люд, но себя отстаивать умел. Подступились сначала мужики так, поговорить по-доброму, но купчишко оказался непонятливый. И трех дней не прошло, как подкараулили его, да бока намяли. Тоже без зла, не во хмелю, не сломали даже ничего. Побежал было жаловаться к околоточному, а тот из никольских же. Руками только развел. В общем, съехал этот балагурник. Слышал потом Мих, что, вроде, пырнули его в трактире каком-то, а может, и не он был.

- Нижесовская. Тупиковый переулок.

- Так, знаешь, что нам надо?

- К Его превосходительству, может, отправиться? Рассказать ему все, а? - взмолился орчук.

- Успеется, - лишь отмахнулся титулярный советник. - Нам надо... о, вот.

Витольд Львович указал на ближайший трактир, из которого, точно по условленному сигналу как раз вывалился забулдыга, оглядел окружающее мутным взглядом, явно вспоминая где находится, и направился вниз по Краснокаменке.

- Господин, ежели вы поесть хотите, видел я, что при разговоре с Его высокородием вы к поросенку почти не притронулись, так лучше не тут. Можно попредпочтительное заведение найти, чем энтог трактир.

- Мих, нельзя же все время о еде думать, - отмахнулся титулярный советник и направился к зданию.

Орчук вошел внутрь за господином и понял, что с «трактиром» это он погорячился. Скорее уж кабац дрянного пошиба: полы грязны и липки, столы и из ссохшихся старых досок в разводах, свет тусклый, хотя окон много, да и день на дворе. Повсюду совсем пьяные или попросту хмельные тела. Хотя нет, трактирщик - дюжий толстый мужик с куцей, словно подпаленной, бородой, оказался трезв. Побуравил глазами сначала господина, потом Миха, причем на мундире и сапогах задержался, покумекал нечто, да все же подошел.

- Что Вашему благородию угодно будет?

- Стол, вон тот, у окна, что на улицу выходит, - указал Меркулов.

- Ваше благородие, не извольте гневаться, но у нас тут публика невысокая, из мужиков простых... - замялся хозяин.

- Да, - согласился Витольд Львович, - из тех, кто посреди белого дня пьет. Я вижу. А в чем проблема?

- Вам может здесь показаться скверно. Кухня не Бог весть какая, да и из напитков выбор невелик. Через четыре дома «Интересное место», трактир не в пример лучше нашего. И человеку вашего круга там предпочтительнее будет.

- Нет, благодарю, здесь останусь. Или у вас есть, что скрывать от полиции? Незаконное, к примеру?

Хозяин торопливо замотал головой, всем своим видом говоря: Господь с вами, верой и правдой служу Государю Императору в меру сил и возможностей. А Мих про себя хмыкнул. Уж слишком испугался трактирщик того вопроса, да и ответил прежде, чем господин вопрос свой закончил. Как есть водятся за ним грешки. Нечистого на руку человека от добропорядочного орчук отличить умел.

- Тогда вон за тот стол, будьте любезны, - повторил свой жест Меркулов.

Хозяин мотнул бородой, крикнул полового, худого вихрастого паренька, наказал прислуживать «господам» в первую очередь. Малый сначала покраснел, потом и вовсе с лица спал, но все же понял, чего от него требуется. Забегал, засуетился, тряпкой мокрой по столу повозил (лучше, ясно дело, не стало), а после спросил, чего принести.

- Квасу, любезный, больно жарко сегодня, - присел на колченогий табурет Меркулов, - и еще кое-что.

- Все что угодно, Ваше благородие, - под одобрительный взгляд трактирщика отпрапортовал половой.

- Протри с улицы окно. Только на совесть. А то света белого не видно.

Когда половой принес по кружке кваса и отправился наружу, натирать стекло, Меркулов озорно подмигнул орчуку. Мих, начавший свыкаться с добротной едой и должным обращением (как известно, к хорошему привыкают достаточно быстро), не одобрил озорного настроения господина. Он по-прежнему сидел, не решаясь положить руки на стол, не ровен час мундир испачкаешь, и недовольно нюхал квас, отдававший кислым духом.

- Вот началась, Мих, рутина полицейской службы.

- Какая? - Отхлебнул орчук квас. Оказался напиток не таким уж и поганым.

- Слежка.

- А ежели Черный не пройдет сегодня?

- Будем дежурить несколько дней.

- Тю... - сник Мих.

- Не такой ты службу представлял?

- Не такой, - согласился Мих, - а ежели Черный вовсе не пройдет здесь? Вдруг он случайно здесь был, по недоразумению?

- Возможно, но маловероятно. Ярослав видел Черного пешим на Краснокаменке. Был бы по делу, взял экипаж. Следовательно, - Витольд Львович поднял палец вверх, - скорее всего, он обитает где-то в этом районе.

- Что же, увидим его да схватим? В прошлый раз ускользнул, быстрый черт.

- В прошлый раз я невидимость использовал, оттого в бою реакция и ослабла. Теперь таких поблажек делать не буду.

- Ну что ж, господин, тогда будем ждать.

И потянулось густым киселем время. Сквозь вымытое окно теперь было видно каждого проходившего мимо, но орчук, не шибко занимался слежкой. Тем паче Витольд Львович от Краснокаменки глаз не отводил. Ближе к вечеру даже отобедали. Трактирщик sluкавил, еда оказалась вкусная: и борщ, и рыба, и капуста квашенная, поданная с мясом. Только потом, по коротким разговорам между хозяином и половым, понял орчук, что за яствами бегали в то самое «Интересное место», куда и хотели их спровадить.

Народу прибавилось, хотя публика по большей части не поменялась. Шмыгнуло несколько подозрительных личностей, но те, увидев орчука и Меркулова, поспешили покинуть трактир. Оно и понятно, на Краснокаменке, да еще в таком дрянном месте, только глупец мог поверить, что хозяин живет исключительно законными способами. Кислое выражение трактирщика, изредка бросавшего на них неодобрительный взгляд, лишь убеждало Муха в правильности его догадок.

А меж тем и ночь подобралась. Фонари на Краснокаменке, конечно, были, но расставлены в редком порядке да зажигались через один, поэтому света от них ожидать не приходилось. Витольд Львович, понявший, что из освещенного трактира наблюдать за темной улицей несподручно, подозвал хозяина и вкрадчиво, как своему, сказал.

- Комната нам нужна.

- Дело ваше, - укоризненно посмотрел сначала на Муха, потом на Меркулова трактирщик, - но для таких вещей увеселительные дома есть.

- Ах ты, вошь подзаборная, ты чего там в голове себе удумал? - Грозно поинтересовался орчук.

- Нет, нам нужна небольшая комнатка, для отдыха, но чтобы окна непременно выходили на улицу.

- Ну так я меблированные комнаты не сдаю, другим зарабатываю, - развел руками хозяин.

- Заметил, скупкой краденого, - кивнул Меркулов.

- Да что вы, Вввваше благородие такое ггговорите, - стал, заикаясь, отрециваться трактирщик, однако в лице поменялся.

- Видел я тут, как заходила парочка с мешками, вроде, перехожие. Они тебя знают, ты их знаешь, я такое по глазам читать умею. Да только меня увидели и заторопились убраться.
- Что вы говорите такое, – все отпирался хозяин.
- Думаю, приведи сюда людей с моего ведомства, а не того околоточного, который тебе так развернуться дал, то много интересного найти можно. Так что, навестить тебя еще раз или...
- Или что? – Ухватился за единственный возможный шанс трактирщик.
- Или комнату давай нам.
- Сейчас же исполним, приберем чуток и исполним.

Трактирщик засуетился, оттащил полового в сторону, сердито ему что-то наказывая. Потом махнул рукой и бодро, слишком бодро для такого хряка, умчался наверх.

- Как вы двоих-то заметили, – удивился Мих, – я думал, что вы все время в окошко смотрели.
- Так с улицы и заметил. Потом лишь искоса на мгновение повернулся, только не всем телом.
- Ну так надо супостата теперь в острог.
- Экий ты быстрый, – усмехнулся Меркулов, – а Черного кто караулить станет? Нет, у нас дело важности намного большей, чем клопов по углам ногтями щелкать. В Славии многие воруют, за всеми гоняться жизни не хватит. Пока ментальность в народе не поменяется, так и будет. Уберешь этого, появится другой. Может, хуже. Трактирщик же теперь еще с месяц осторожничать станет, да и случится что на Краснокаменке, мы знаем, кого спросить о том можно. Что ж они там завозились?
- Прошу, – будто вырос из-под половиц хозяин.

Поднялись наверх и оказались в маленькой клетушке с панцирной кроватью, точно такого же принципа, как у самого Витольда Львовича дома, только не в пример больше. Сдавалось Миху, что соврал хозяин и по поводу увеселительности: таскают сюда девок распутных, как есть таскают. Только теперь понял орчук, как устал за день ничего не делать. На то, ведь, оказывается, тоже особый талант нужен. Сидит вот какой-нибудь коллежский секретарь, чернилами мух кормит, зеваает так, что челюсть, глядишь, свернет. А домой придет и сил нет у несчастного. Вот оно как.

Витольд Львович точно мысли орчуковские прочитал.

- Ложись, Мих, поспи, в середине ночи разбужу, будешь ты следить.

А полукровку и уговаривать не надо. Взгромоздился на кровать, только пружины натужно заскрипели, глаза прикрыл и баста. Прочему с такой совестью чистой, как у Мухи, засыпать надобно было быстро.

Только не долго дремал, почувствовал, как толкает Меркулов. Открыл очи, а Витольд Львович взбудораженный стоит – глаза красные, невыспанные, волосы растрепаны и воротник расстегнут. Увидел, что орчук проснулся, палец к губам прижал, будто кто еще в комнатке был, да вымолвил лишь одно слово.

- Черный.

<http://tl.rulate.ru/book/9351/183553>